

Н.П. Анисимова (Тверь-Бордо)

ПСИХО-МЕХАНИКА Г. ГИЙОМА КАК ПРИМЕР ГРАММАТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Теория Г. Гийома может рассматриваться как пример грамматической рефлексии по следующим параметрам.

Все проявления человеческой мыследеятельности – понимание, решение, собственно человеческое чувство, **теоретическое мышление** – выступают как ее (рефлексии) «фиксация», «объективация» [1].

Рефлексия есть родовое понятие по отношению к пониманию, понимание и есть организованность рефлексии (определение Г.П. Щедровицкого) [Ibid].

С опорой на К. Маркса **становление нового знания** есть деятельность понимания, приводящая к возможности за отношениями вещей усмотреть, «прочитать» отношения людей. **Само понимание было показано в «Капитале», причем не как «объект» знания, а как процесс субъективной деятельности, направленной на «скрытые смыслы», на неявно данные сущности, на превращенные формы,** на раскрытие сущности человеческих отношений, скрытых миром произведенных и производимых предметов, включающим, в частности, и тексты культуры [Ibid].

По Г. Гийому, работа лингвиста заключается не просто в наблюдении языковых фактов: для построения *объекта* исследований необходима определенная интеллектуальная работа. «... эмпирическая наука (*science d'observation*) превращается в науку теоретическую (*science théorique*) с того момента, **когда она начинает видеть в действительности нечто большее и иное, нежели то, дает внешняя видимость**» [5: 10]; и еще: «... **система наблюдаема лишь после восстановительной интеллектуальной работы (*un travail intellectuel de reconstruction*), эта особенная работа превосходит и преодолевает данность прямого наблюдения**» [Op.cit.: 15].

Метод, который применяет Г. Гийом, также отличается от канонического структурализма. Он исходит из понятия *системы*, которая представляет собой абстракцию как результат некоего интеллектуального построения. В этом смысле он резко расходится с методом дистрибуционалистов, занимающихся исследованием принципов организации поверхностной структуры.

Теория Г. Гийома, в отличие от канонического структурализма, основанного на представлении языка как системы чистых отношений, лишенных всякого содержания, сосредоточена на исследовании одной из фундаментальных проблем лингвистики – отношения формы и содержания. Форма (означающее) и содержание (означаемое) независимы друг от друга. Г. Гийом концентрирует свои усилия на анализе

содержательной стороны (*matière*), а именно мыслительных операций, создающих значение, которые он пытается восстановить. Это учение называется «психо-систематикой» или «психо-механикой». «Психо-систематика – это исследование сечений (*coupes*), с помощью которых мысль отграничивает (выделяет) в своей деятельности некие процессы, а затем перехватывает их с помощью новых поперечных сечений, которые в зависимости от того, раньше или позже они останавливают этот поток (*selon qu'elles sont précoces ou tardives*), сообщают знаку, который его представляет, различное значение» [5: 209].

Идеи Г. Гийома зачастую формулируются весьма сложно, поэтому попытаемся привести разъяснение данной дефиниции [2: 42]. Мысль представляется как некая деятельность, движение, непрерывный поток, который невыразим как таковой. Функция языка заключается в его выражении – для этого следует отграничить, остановить этот поток, подобно тому, как фотография или, скорее, кинематография представляет собой последовательность кадров, на которые распадается поток движения. Г. Гийом называет такие операции «сечениями» (*coupes*) и различает два типа таких сечений. К первому типу относятся те, в которых «мысль отграничивает (выделяет) в своей деятельности некие процессы» как движение, направленное от общего к единичному. Речь не идет о «разделении» действительности на какие-либо части, но о построении некой схемы (например, система видо-временная или определительная). Эти схемы составляют систему в духе Ф. де Соссюра, которую Г. Гийом называет «языком», причем она является не просто набором элементов, но системой динамических, то есть движущихся схем. Переход от этого абстрактного уровня к уровню речи (*discours*) осуществляется с помощью второго вида сечений, которые останавливают, перехватывают это движение в определенной точке. В зависимости от того, на какой стадии движения это сечение производится, знак приобретает то или иное значение.

Проиллюстрируем этот подход на примере анализа динамической схемы настоящего времени [7: 52–54] (заметим, что Г. Гийом работал, по преимуществу, с фактами французского языка). Как известно, один и тот же элемент может приобретать в речи самые различные значения. Для французского настоящего времени различаются, например, такие разновидности как настоящее абсолютное или вневременное (*présent absolu, atemporel, gnomique*) – (*Deux et deux font quatre; La lune tourne autour de la terre*); актуальное настоящее, совпадающее с моментом речи (*présent actuel*) – (*Je vous conseille de partir*); точечное настоящее (*présent ponctuel, instantané*) – (*L'éclair jaillit*) и т.д. Несмотря на столь большое разнообразие значений можно предположить, что потенциал значений настоящего времени, заложенный в языковой системе, при этом не теряет своего единства. Категория настоящего времени, реализованная в речи,

может осознаваться как составная, содержащая некую частичку прошедшего и некую частичку будущего. Одновременное присутствие двух «хронотипов» – хронотипа прошедшего z и хронотипа будущего a – есть обязательное и необходимое условие реализации категории настоящего времени. Непрерывно частичка a превращается в частичку z . Постоянно значение настоящего видоизменяется: то, что принадлежало будущему, переходит в прошлое. Схематически этот процесс можно представить на рис. 1 [Op. cit.: 53]:

Рис. 1

Такая схема представляет то, что Г. Гийом называет **потенциальным означаемым** (*signifié de puissance*) категории настоящего времени. В речи оно реализуется в виде множества **реальных означаемых** (*signifiés d'effet*). Хронотипы, составляющие потенциальное означаемое настоящего времени, меняют свою протяженность: они могут то занимать почти все временное пространство, то стремиться к нулю. Соответственно, они могут быть представлены диссимметрично: в высказывании *depuis vingt ans que j'habite ici* (двадцать лет, что я живу здесь) наибольшую протяженность имеет хронотип z , а в случае *désormais je me lève à 6 heures* (отныне я встаю в 6 часов) предпочтение имеет хронотип a , который может просто выразить намерение, как в примере *je pars demain* (я уезжаю завтра).

Все эти возможности заключены в системе языка на уровне потенциального означаемого. Есть только одно потенциальное означаемое, а количество его реальных означаемых неисчислимо, что схематически можно представить на рис. 2 следующим образом [Op. cit.: 54]:

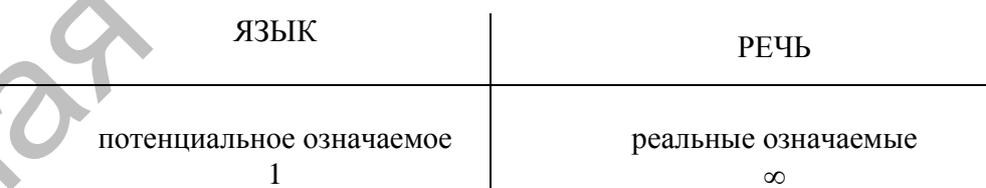

Рис. 2

По Г. Гийому, существует жесткое соответствие плана потенциального означаемого и «знака» («означающего» у Ф. де Соссюра), то есть речь идет об изоморфизме плана означаемого и плана означающего. Другими словами, потенциальное означаемое, переход которого из языка в речь

осуществляется посредством «знака», виртуально содержит все значения, которые могут быть осуществлены в речи.

Как видим, в случае категории настоящего времени между «крайними» его значениями (вневременным и точечным) располагается целый набор промежуточных значений (*il est malade; il est malin; il aime les voyages*) (*он болен; он хитер; он любит путешествия*) [Op. cit.: 54]. Традиционная грамматика не может установить четкого разграничения между этими типами настоящего времени (длительное настоящее, настоящее состояния, привычки и т.д.).

С тех же позиций можно анализировать и категорию артикля. Например, определенный артикль может выражать как универсальное, общее (*la maison de campagne sert de résidence secondaire*) (*загородный дом служит дополнительным местом жительства*), так и частное, отдельное (*la maison de campagne que je viens d'acheter*) (*загородный дом, который я недавно купил*). При этом между крайними значениями помещается целый ряд промежуточных: (*la maison de campagne se fait de plus en plus chère*) (*загородные дома все дорожают*) (на данный момент) или (*la maison de campagne dont je rêve aurait...*) (*загородный дом, о котором я мечтаю, был бы...*) [Ibid.].

Такой подход к грамматическим категориям позволяет Г. Гийому трактовать языковое значение как «движение мысли» между двумя полюсами, вводя в анализ дополнительное измерение - временной фактор, что позволяет рассматривать модель Г. Гийома как *кинетическую* или *динамическую*. В общем виде вопрос динамизма значения во французской семантической традиции нам представляется весьма важным и заслуживающим отдельного изучения. На данный момент мы лишь отмечаем, что теория Г. Гийома – это одна из моделей, преодолевающих статичность, характерную для структуралистских построений.

Для иллюстрации функционирования определенного артикля приведем на рис. 3 схему Р. Мартэна [Op. cit.: 55]:

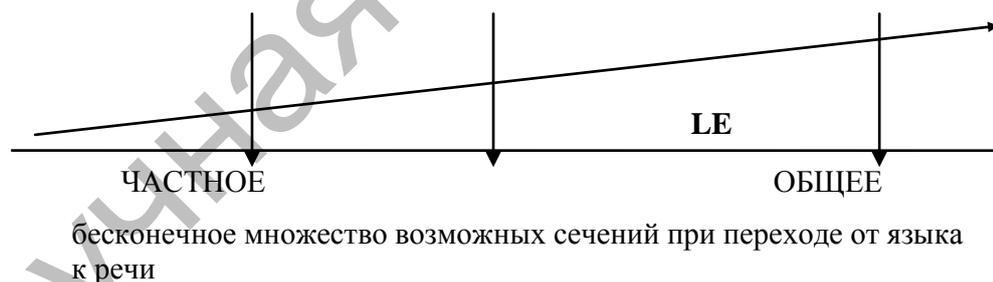

Рис. 3

По поводу определенного артикля Г. Гийом пишет [Ibid.]: «Также хорошо известно, что артикль *le* - есть движение мысли, напряжение, идущее от частного к общему, то есть расположенное в тех же границах, что и артикль *un*, но в обратном порядке – не сначала общее, а потом частное, но частное сначала, а общее потом – таким образом обобщающий эффект дает более поздний вертикальный перехват, а выделительный эффект происходит от более раннего перехвата. Так, раннее сечение в случае (*l'homme entra*) (*вошел человек*), и более позднее в случае (*l'homme est mortel*) (*человек смертен*)».

Г. Гийом пишет о неопределенном артикле следующее [5: 209]: «Известно, что артикль *un* есть, напряжение (*tension*), идущее от общего к частному, то есть находящееся между двумя вертикальными сечениями некой мыслительной деятельности, идущей от широкого к узкому, и это напряжение в речи пересекается вертикальным сечением, более ранним или более поздним, что сообщает артиклю его значение в употреблении (*assigne à l'article sa valeur d'emploi*). Таким образом, кинетическое напряжение, которое представляет артикль *un*, в зависимости от того, подвергается ли он раннему или позднему вертикальному перехвату, создает артикль *un*, который обобщает или выделяет (*qui généralise ou particularise*). Так, более ранний перехват присутствует в (*un enfant est toujours l'ouvrage de sa mère*) (*ребенок - это всегда произведение своей матери*), а более поздний - в (*un enfant entra*) (*вошел ребенок*)».

Приведем схему, подобную схеме Р. Мартэна, для неопределенного артикля (см. рис.4):

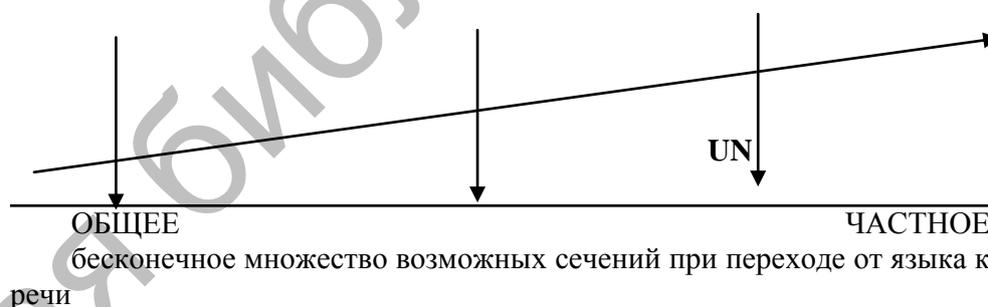

Рис. 4

Полагаем возможным привести следующие соображения в качестве комментария:

– Когда Г. Гийом пишет: «Известно, что артикль *un* – есть напряжение (*tension*), идущее от общего к частному...», то для носителей языков, в которых категория артикля отсутствует, неизбежно возникает вопрос о том, откуда происходит эта идея и присутствует ли она в языковой компетенции любого носителя артиклевого языка, или же данный постулат

принимается как некая исходная точка теоретизирования в рамках данной языковой теории.

– В связи с этим проблема передачи конкретного значения артикля в том или ином употреблении средствами языка, не обладающего данной категорией, предстает в новом свете. Открываются перспективы сопоставительных исследований, отражающих «движение мысли», создающей обобщающее или частное значение в языках, где эта категория не имеет специального маркера.

Г. Гийом, как и другие французские теоретики, использует в своей модели пространственно-временной фактор – его рассуждения схематизируются зрительно в виде динамических схем, где все элементы упорядочены. Упорядочивание *потенциальных означаемых* подчиняется законам, которые Г. Гийом называет «неизбежным обыденным мышлением» (*inévitables de la pensée commune*). Дихотомические пары, которые в теории Ф. де Соссюра статичны, у Г. Гийома упорядочены по фактору времени, причем вопрос о том, является ли это «оперативное время» (*temps opératif*) реальным, физическим, необходимым для перехода от мысли к языку, или же это есть лишь абстракция в логических построениях мышления, остается открытым. Так, в соотношении *содержимое – содержащее* (*contenant-contenu*) содержащее предшествует содержащему, так как может быть содержащее без содержащего, но не наоборот. По тому же принципу причина предшествует следствию, а понятие пациента (*patient*) предполагает наличие агенса (*agent*). Соссюровские дихотомии становятся упорядоченными парами в математическом смысле.

Г. Гийом работает в аспекте, который мы назвали бы *пространственно-временной континуум мышления*. Воссоздание этого ментального пространства проецируется на разные системы языка: начиная с 1929г., даты публикации работы *Время и глагол* (*Temps et verbe*) [3], создается теория *хроногенеза* на базе аспектно-временной системы французского языка; затем, разрабатывая проблематику типологии языков, Г. Гийом создает теорию *лексигенеза*, где уровень слова оказывается базовым в процессе порождения речи. «Человеческая мысль, – пишет Г. Гийом, – находится в постоянном движении (*en perpétuelle agitation*) между представлением конечного (*fini*) и бесконечного (*infini*), и оба этих представления в нем отражаются (*s'y répliquent*) таким образом, что явлению бесконечного отвечает явление конечного, а явлению конечного – явление бесконечного. Именно в игре этих отражений ... сформировались понятия времени и пространства, представленные, соответственно, в самых развитых языках категориями глагола и имени» [5: 199–200].

Построение всех вышеизложенных «психо-систем» подчиняется основополагающим принципам динамизма значения и его упорядочивания и составляет общую теорию, состоящую из трех уровней. Потенциальные

означаемые образуют структурированные «психо-системы», такие как, например, система времен и наклонений для глагола или упорядоченная система частей речи. Их исследование относится к области *психо-систематики*. Эти системы подчиняются общим упорядочивающим факторам, которые составляют *психо-механику*. Означающие («знаки» по Г. Гийому) образуют семиологию, изучением которой занимается *психо-семиология* [7: 57]. Представим в табл. 1 эту трехуровневую теорию схематически:

Психо-механические принципы, организующие язык ДО	Язык – структурированная совокупность психо-систем и семиологических систем ПОСЛЕ	Речь – использование созданного языка
ДО		ПОСЛЕ

Таблица 1

Психо-механические принципы, выводимые *до* языка, организуют его и структурируют, они соотносятся с ним не исторически, но организационно. Таким образом, к сосюрговской дихотомии язык – речь Г. Гийом добавляет третий элемент – «психо-механизмы», в которых преобладают принципы упорядочивания и динамизма значения.

Г. Гийом различает два способа построения теории: первый, лежащий в основе теоретизирования в экспериментальных науках, принимает за точку отсчета наблюдение за фактами, после чего строится рабочая гипотеза, проверяемая затем также фактами. Для лингвистики такой подход нерелевантен, поскольку он предполагает слишком большое разнообразие возможных гипотез. По Г. Гийому, лингвистическая теория исходит из абсолютной идеи, «неизбежного обыденного мышления», тех самых упорядочивающих психо-механических принципов. Построив теорию, лингвист проверяет ее на фактах языка, которые ее подтверждают или опровергают. «Теория, высшая точка понимания (*superlatif du comprendre*), должна для меня соответствовать следующим обязательным условиям: идти навстречу фактам ..., но исходить не из факта, но из абсолютной, неизбежной потребности (*une exigence absolue, inévitable*), и идти вперед от одной абсолютной потребности к другой навстречу фактам... Достоверность теории в данном случае имеет два основания: ее изначальная принадлежность к неизбежному ..., а потом ее проверка фактами. Другими словами, двойная проверка правильной исходной точки и подтверждение ее верности фактами на последнем этапе» [5: 48–49].

Теория Г. Гийома, как замечают исследователи, трудно поддается классификации. С одной стороны, она явно вписывается в парадигму структурализма, а с другой – предвосхищает целый ряд направлений в лингвистических исследованиях, которые получают свое развитие гораздо позднее: генеративизм, когнитивизм, теория высказывания. Попробуем охарактеризовать подход Г. Гийома с позиций нашей модели эпистемологических координат. Как уже указывалось, оперирование такими оппозициями как язык – речь, означающее – означаемое, форма-субстанция, знак, система и др., позволяет отнести данную теорию к структуралистской парадигме. При этом каноническая модель значительно видоизменяется, преимущественно, в сторону ее «семантизации»:

– К оппозиции язык-речь добавляется новое измерение когнитивно-ментального характера – психо-механика, предопределяющая структурирование языка и функционирование его в речи.

– Само понятие означающего расщепляется на два: потенциальное означающее и его реализация через «знак», то есть означаемое.

– Структуралистские оппозиции, на которых строится система, подвергаются упорядочиванию через погружение их в пространственно-временной континуум мышления.

– Статичность структуралистских построений преодолевается за счет введения динамического аспекта.

– Преодолевается (весьма своеобразно) структуралистское табу на введение в анализ «человеческого фактора» – если Г. Гийом эксплицитно не говорит о роли говорящего, то, по крайней мере, предполагается, что в процессе лексигенеза, например, существует этап «потребности высказывания», в котором неизбежно вводится фактор говорящего, производящего необходимые ментальные операции в процессе порождения речи.

– Поскольку проблема типологии языков увязывается с процессами как лексигенеза, так и *эволюции* языков, в теории Г. Гийома вводится не просто временной «ментальный» фактор, но и фактор реального времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. – Калинин: КГУ, 1982. – 86 с
2. Fuchs C. et Le Goffic P. Les linguistiques contemporaines - Repères théoriques. - Paris: Hachette, 1992.
3. Guillaume G. Temps et verbe, - Paris: Champion, I-ère éd., 1929.
4. Guillaume G. Langage et science du langage. Québec, Presse de l'Université de Laval. – Paris: Nizet, 1964. (rééd. 1969).
5. Guillaume G. Leçons de linguistique. – Québec: Presse de l'Université de Laval, 1971.

6. Guillaume G. Principes de linguistique théorique. - Québec: Presses de l'Université de Laval; et Paris: Klincksieck, 1973.
7. Martin R. Théories linguistiques // Les sciences du langage en France au XX-ème siècle. – Paris: PEETERS/SELAF. - 1991. - P. 28-77.

Н. Балякина (Тверь)

СТРАХ В ТЕКСТАХ СТИВЕНА КИНГА

Страх является одним из ключевых концептов культуры, т.е. обусловленной культурой ядерной (базовой) единицей картины мира, обладающей экзистенциальной значимостью для отдельной языковой личности и предельным понятием для лингвокультурного сообщества в целом (см. [2; 6; 7; 9; 12; 13; 15; 16; 18; 20; 22–25; 26]).

Эмоциональный концепт «страх» рассматривается как многоаспектное явление, имеющее отношение ко всем человековедческим наукам: психологии, социологии, философии, политике, лингвистике, и т.д.

Определяя место страха в системе человеческих эмоций, мы придерживаемся понимания эмоции как психического процесса, отражающего отношение человека к самому себе и окружающему миру, характеризующегося мимическими, психосоматическими, поведенческими изменениями и объективирующегося в языке (см. [26]).

Страх как один из основных эмоциональных концептов неоднократно привлекал внимание отечественных и зарубежных лингвистов. В последние десятилетия концепт страх анализировался в следующих направлениях: описывался когнитивный сценарий на языке универсальных семантических элементов немецкого концепта Angst (Вежбицкая 2001); проводился анализ фразеологических единиц, отражающих физиологическое проявление страха на материале русского языка (Феоктистова 1996, Семененко 2002); страх рассматривался как составная часть эмоциональной концептосферы немецкого и русского языков [12]; выявлялась образная составляющая в идиомах «страха» (Добровольский 1996); эмоциональный концепт страх исследовался в сопоставительной перспективе на основе английского и русского языков (Зайкина 2004); на основе когнитивного подхода к языку исследовался феномен Angst, его психологический, понятийный и культурный аспект (Аблецова 2005); в русле лингвопсихологии проводился контрастивный анализ концепта **страх** в русском и немецком языках на материале художественного текста (Воронин 2005); рассматривалась с применением когнитивного подхода динамика эмоционального концепта страх в британской лингвокультуре (Яшкина 2005).